

18+

Самира Азизхоновна
Ширинбекова

Резонанс



Самира Ширинбекова

Резонанс

«Издательские решения»

Ширинбекова С. А.

Резонанс / С. А. Ширинбекова — «Издательские решения»,

Семь лет назад Кира осталась на залитом дождем вокзале, глядя вслед уходящему поезду. Вместе с составом исчезли её первая любовь, вера в людей и право на спонтанность. С тех пор её жизнь — чертеж без единой пометки: престижная работа реставратора, спокойный и надежный жених Леонид. Но у судьбы свой акустический расчет. Крупный заказ на восстановление сгоревшего столетнего театра «Резонанс» оборачивается шоком: главный звукоинженер проекта ее бывший... Правда ли второй шанс требует сжечь все мосты?

© Ширинбекова С. А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Золотая клетка рутины	6
Глава 2. Призраки прошлого	8
Глава 3. Пыль и музыка	10
Глава 4. Чужак с моим сердцем	12
Глава 5. Попытка бегства	14
Глава 6. Противоположные полюса	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Резонанс

Самира Азизхоновна Ширинбекова

© Самира Азизхоновна Ширинбекова, 2026

ISBN 978-5-0071-3608-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Золотая клетка рутины

Шорох дорогого шелка в тишине свадебного салона казался неестественно громким. Кира замерла перед огромным трехстворчатым зеркалом, разглядывая собственное отражение.

Белый цвет платья ослеплял. Оно было безупречным: строгий силуэт, глухой ворот, длинные рукава, ни одной лишней детали. Идеальные швы, идеальная посадка. Архитектурная симметрия в чистом виде.

— Ну как? — из глубины мягкого бархатного кресла донесся ровный голос Леонида.

Кира скользнула взглядом по его фигуре. Лёня, как всегда, выглядел собранным и опрятным. На нем был серый кашемировый джемпер, дорогие часы, а на коленях лежал раскрытый планшет с рабочей сметой нового строительного объекта. Он даже в свадебном салоне ухитрялся оставаться ведущим инженером крупного холдинга.

— Тебе очень идет, Кира. Строго, со вкусом. Как раз для нашего формата. Никакого пафоса, только элегантность, — Леонид одобрительно кивнул и слегка улыбнулся кончиками губ. — Берем его?

— Да, — тихо ответила Кира. — Пожалуй, это именно то, что нужно.

Она сделала вдох, но тяжелый корсет плотно сжал грудную клетку, не позволяя вздохнуть полной грудью. Кира привыкла к этому ощущению. Последние четыре года ее жизнь состояла из подобных «неглубоких вдохов». Всё было правильно, распланировано, безопасно.

Их отношения с Леонидом походили на хорошо спроектированное здание: прочный фундамент из общих интересов, надежные несущие стены взаимного уважения и полное отсутствие сейсмической активности. Никаких бурь. Никаких безумств.

«Это и есть счастье, — упрямо повторила про себя Кира, глядя на свое бледное лицо в зеркале. — Тихая гавань. Спокойствие. Я заслужила эту безопасность».

Она слишком хорошо помнила время, когда ее жизнь напоминала стихийное бедствие, а чувства сжигали изнутри, оставляя после себя лишь пепелище. С тех пор она дала себе слово: больше никогда не строить дома на вулкане. Только железобетонная стабильность.

Вечерний город встретил Киру монотонным шумом осеннего дождя. Капли разбивались о лобовое стекло ее аккуратного белого хэтчбека, пока она ехала в офис.

Несмотря на поздний час, в архитектурно-реставрационном бюро «Вертикаль» все еще горел свет. Кира любила эти часы, когда шумный коллектив расходился, и она могла остаться наедине с чертежами. Работа реставратора требовала тишины и ювелирной точности. Ей нравилось возвращать к жизни старые вещи, чинить то, что было сломано временем. Наверное, потому, что когда-то ей самой пришлось собирать себя по кусочкам.

— Кира, зайди ко мне на минуту, — из своего кабинета выглянул Валерий Альбертович, руководитель бюро. Он выглядел уставшим, но в его глазах горел тот самый азартный огонек, который появлялся только перед получением крупного контракта.

Кира аккуратно повесила пальто на вешалку и вошла в просторный кабинет, пахнущий крепким кофе и дорогой бумагой.

— У меня для тебя есть проект, — Валерий Альбертович положил на стол массивную кожаную папку. — Очень сложный. Из тех, за которые берутся либо безумцы, либо лучшие из лучших. Я решил отдать его тебе.

Кира провела пальцами по шероховатой коже папки.

— Что это?

— Историческое здание в самом центре, на набережной. Бывший частный театр начала двадцатого века. Пятнадцать лет он стоял заброшенным после пожара в подсобных помеще-

ниях. Недавно его выкупил крупный инвестор. Цель — не просто восстановить фасад и интерьеры, а сделать там современный multifunctional зал с уникальной акустикой.

Руководитель пододвинул к ней папку поближе.

— Основная сложность — акустическое переоборудование. Здание деревянно-каменное, старые перекрытия резонируют. Нужно сохранить исторический облик, но внедрить туда самые современные звуковые технологии. Работать придется в паре со звукоинженером, которого инвестор выписал из-за границы. Он ведущий специалист в этой области.

Кира открыла папку. На первой странице красовалась старая, пожелтевшая от времени фотография здания с изящными арочными окнами, лепниной и величественным куполом. Под снимком крупными буквами было выведено название проекта:

«Реконструкция и акустическая модернизация театра „Резонанс“».

Кира замерла. Внутри нее, где-то глубоко под ребрами, вдруг возникло странное, давно забытое физическое ощущение. Словно по телу прошла едва заметная вибрация — как от удара по низкой струне контрабаса. Сердце сделало лишний, глухой удар.

Резонанс.

Слово эхом отозвалось в ее голове. Ей показалось, что в кабинете внезапно стало нечем дышать, а за окном громче зашумел дождь. Это было глупое, иррациональное предчувствие, словно за этой обложкой скрывалась не просто сложная работа, а некая черта, переступив которую, она уже не сможет вернуться в свою безопасную, привычную жизнь.

— Ну, что скажешь, Кира? — Валерий Альбертович внимательно посмотрел на нее поверх очков. — Справишься? Свадьба у тебя через три месяца, но если мы начнем сейчас, к зиме ты успеешь сдать первый этап.

Кира медленно закрыла папку, успокаивая внезапно задрожавшие пальцы. Она посмотрела на свое кольцо с аккуратным бриллиантом — символ ее спокойного будущего с Леонидом.

«Это просто работа, — мысленно приказала она себе. — Сложная, интересная работа, которая поможет отвлечься от предсвадебной суеты».

— Да, Валерий Альбертович, — Кира подняла глаза и уверенно улыбнулась. — Я беру этот проект. Когда первая встреча на объекте?

— Отлично. Завтра в десять утра. Твой соавтор по звуку тоже обещал быть. Постарайтесь сразу найти общий язык.

Кира прижала тяжелую папку к груди. Предчувствие, которое она так отчаянно пыталась заглушить, никуда не исчезло. Оно вибрировало внутри нее, обещая, что завтрашнее утро изменит всё.

Глава 2. Призраки прошлого

Электронные часы на прикроватной тумбочке высвечивали холодные зеленые цифры: 03:42.

Кира лежала на спине, глядя в абсолютно темный потолок. Рядом ровно, размеренно дышал Леонид. Его сон всегда был крепким и правильным — ровно восемь часов, без кошмаров, без метаний, без внезапных пробуждений от удушья. Рука жениха лежала поверх одеяла, ладонью вверх. Спокойная, уверенная рука человека, у которого в жизни всё идет строго по графику.

А Кира задыхалась.

Она осторожно, стараясь не скрипнуть матрасом, выбралась из-под теплого одеяла, накинула на плечи тонкий кашемировый кардиган и босиком прошла на цыпочках в свой рабочий кабинет. В квартире стояла стерильная тишина новостройки: не скрипели половицы, не гудели трубы, даже шум ночного города отсекали тройные стеклопакеты. Идеальный вакуум.

Но в голове у Киры стоял невыносимый шум.

Слово «Резонанс» из вечернего разговора с шефом запустило в памяти цепную реакцию, которую она не могла остановить часами. Это было похоже на трещину в плотине: сначала крошечный скол, а затем холодная вода прошлых воспоминаний хлынула потоком, смывая возведенные за семь лет барьеры.

Семь лет. Огромный срок. За это время клетки человеческого тела успевают полностью обновиться. Она должна была стать совершенно другим человеком, не имеющим ничего общего с той наивной, восторженной двадцатиднолетней девчонкой.

Но стоило закрыть глаза, как память с пугающей четкостью возвращала ее на залитый холодным октябрьским дождем перрон.

— Ты не понимаешь, Кира! — его голос перекрывал шум объявляющего поезда. Ветер трепал темные, вечно взъерошенные волосы Артёма, а на его старой кожаной куртке темнели мокрые пятна. — Это студия в Берлине! Контракт! Это шанс, который выпадает раз в жизни! Я не могу остаться здесь и гнить, проектируя звук для провинциальных ДК!

— А я? — ее губы тогда дрожали от холода и подступающих слез. — Где в твоём «шансе» всей жизни я, Тёма?

Он тогда замер всего на секунду. В его глазах — шальных, темно-карих, всегда горевших безумным творческим огнем — промелькнула растерянность. Но эгоизм и амбиции оказались сильнее.

— Поехали со мной. Бросай всё и поехали.

— Бросить университет? Мою реставрацию? Семью? Поехать придатком к твоей мечте, жить на птичьих правах в чужой стране?

— Значит, твоя учеба тебе дороже меня? — в его голосе тогда зазвенела злая, юношеская гордость. Та самая ядовитая гордость, которая не умеет слушать.

— Значит, твой контракт тебе дороже нас? — парировала она.

Гудок локомотива разорвал барабанные перепонки. Артём схватил свой чехол с гитарой и дорожную сумку. На его лице застыла маска отчуждения, за которой он всегда прятал страх.

— Если ты сейчас не сделаешь шаг за мной в вагон, Кира, я не вернусь. Слышишь? Никогда.

Она не сделала этот шаг. Она осталась стоять на платформе, сжимая кулаки до белых костяшек, пока состав набирал ход. Она не заплакала тогда. Ни одной слезинки не упало на перрон. Она просто смотрела вслед уходящим красным огням последнего вагона, чувствуя, как внутри нее выгорает дотла всё живое.

Кира вздрогнула, возвращаясь в реальность. Пальцы нащупали холодную поверхность письменного стола.

Она подошла к самому нижнему ящику — единственному, который запирался на маленький ключик. Леонид никогда не спрашивал, что там. Он уважал личные границы, считая, что у каждого взрослого человека есть право на свои старые дипломы, школьные грамоты и детские фотоальбомы.

Но там не было дипломов.

Кира повернула ключ. Замок щелкнул негромко, но звук показался ей оглушительным выстрелом. В глубине ящика, под стопкой старых блокнотов со студенческими эскизами, лежала маленькая жестяная коробочка из-под мятных леденцов.

Она открыла крышку.

Внутри лежал всего один предмет: старый, потертый по краям треугольный медиатор из черного пластика с выбитым золотым логотипом. На нем сохранились едва заметные царапины от жестких гитарных струн.

Артём потерял его у нее в комнате за день до того, как узнал о своем гранте в Германии. Когда после его отъезда Кира нашла эту безделушку под диваном, у нее не поднялась рука выбросить ее в мусорное ведро. Это было глупо, иррационально и совершенно неправильно.

Кира сжала медиатор в ладони. Острый край врезался в кожу, причиняя легкую, отрезвляющую боль.

Все эти семь лет она строила свою жизнь как неприступную крепость. Она выбрала Леонида — надежного, верного, предсказуемого. С ним было безопасно. С ним не нужно было бояться, что однажды утром он соберет чемодан и уедет за океан, оставив после себя лишь тишину. Леонид был якорем.

Но почему тогда, держа в руках этот копеечный кусок пластика, она чувствовала себя самозванкой? Почему фантом человека, который так жестоко и легко вычеркнул ее из своей жизни, до сих пор обладал над ней этой странной, пугающей властью?

— Ты призрак, — прошептала Кира в пустоту темной комнаты, глядя на медиатор. — Тебя больше нет. И того мальчика больше нет.

Она решительно убрала пластиковый треугольник обратно в коробочку, захлопнула ящик и повернула ключ. Сердце всё еще колотилось о ребра, но дыхание постепенно выравнивалось.

Завтра ее ждет новый проект. Серьезная работа, которая потребует всей ее концентрации. Никаких призраков. Только чертежи, расчеты несущих конструкций и акустические замеры.

Кира вернулась в спальню, легла под одеяло и закрыла глаза, не подозревая, что прошлое уже не просто стояло на пороге — оно уже протянуло руку, чтобы открыть дверь.

Глава 3. Пыль и музыка

Набережная встретила Киру пронизывающим ветром с реки. Небо над городом набрякло тяжелыми, свинцовыми тучами, из которых вот-вот готов был посыпаться первый мокрый снег.

Театр «Резонанс» напоминал уснувшего великана. Окруженный высокими строительными лесами и затянутый зеленой защитной сеткой, он всё равно сохранял свое былое, хоть и израненное величие. Полукруглые арочные окна второго яруса смотрели на реку темными, пыльными провалами. На фасаде кое-где уцелела изящная лепнина — застывшие каменные маски трагедии и комедии, наполовину скрытые ржавыми подтеками.

Кира поправила каску, подхватила тяжелую папку с чертежами и решительно перешагнула порог временной строительной двери.

Внутри царил совсем другая вселенная. Время здесь словно застыло пятнадцать лет назад, законсервированное сыростью и забвением. Запах старого дерева, мокрой штукатурки, осыпавшегося мела и той особой, вековой театральной пыли мгновенно забил легкие. Обувь Киры оставляла четкие следы на сером цементном полу вестибюля.

— Валерий Альбертович? — негромко позвала она, но ее голос лишь глухо увяз в высоких сводах фойе. Странно, шеф обещал приехать пораньше, но его машины на парковке не было.

Она пошла дальше, ведомая профессиональным любопытством. Миновала пустые проемы гардероба, поднялась по широкой парадной лестнице, где перила из темного дуба были покрыты толстым слоем строительной пыли, и толкнула тяжелую, обитую потрескавшимся дерматином дверь в зрительный зал.

Зал встретил ее полумраком и огромным, дышащим пространством. Кое-где сквозь высокие окна пробивался тусклый дневной свет, выхватывая кружащиеся в воздухе пылинки. Строительные леса уходили высоко вверх, к самому куполу, напоминая гигантскую паутину. Ряды кресел в партере были бережно укрыты плотной серой брезентовой тканью, похожей на застывшие волны грязного моря.

Кира сделала несколько шагов по центральному проходу, вглядываясь в очертания сцены. И вдруг замерла.

Из глубины сцены, скрытой в густой тени, раздался звук.

Это не был грохот перфоратора или голоса рабочих. Это был чистый, глубокий, низкочастотный импульс. Звуковая волна прокатилась по пустому залу, заставив деревянные перекрытия и обшивку стен издать тихий, вибрирующий отклик. Звук физически ударил Киру в грудь, отзывавшись странным трепетом под ребрами.

Затем наступила секундная тишина, и вслед за ней из временно установленных на сцене мощных мониторов полилась мелодия. Всего несколько аккордов, сыгранных на электрогитаре с плотным, тягучим эффектом реверберации.

Кира почувствовала, как у нее подкосились колени. Она знала эти аккорды.

Семь лет назад этот самый мотив бесконечно звучал в ее маленькой студенческой комнате. Этими переборами Артём настраивал свою старую акустическую гитару, в шутку называя их «нашим резонансом». Это не была песня — просто импровизация, личная цифровая подпись, которую она не могла спутать ни с чем на свете.

— Кто здесь? — крикнула Кира. Ее голос сорвался, прозвучав испуганно и тонко.

Мелодия оборвалась на полуслове. По залу прокатилось долгое затихающее эхо.

В глубине сцены, прямо за пультом звукорежиссера, вспыхнула яркая лампа-прожектор. Направленный луч света разрезал полумрак, ударив по строительным лесам и выхватив силуэт мужчины.

Он медленно поднялся со своего места и подошел к самому краю сцены.

Кира затаила дыхание.

Она ждала увидеть того самого Артёма, образ которого бережно и мучительно хранила в памяти все эти годы: взъерошенного, худощавого парня в поношенной косухе, с вечно бунтарским, полуулыбающимся лицом и гитарой наперевес.

Но перед ней стоял абсолютно чужой мужчина.

Он был шире в плечах, двигался спокойно, уверенно и плавно, без прежней подростковой суетливости. На нем было дорогое темное пальто свободного кроя, плотный черный свитер с высоким горлом и грубые кожаные ботинки. Волосы были аккуратно подстрижены, а на лице появилась легкая, жесткая щетина, которая делала его черты резкими, почти суровыми. В его фигуре угадывалась сила и холодная профессиональная уверенность человека, который точно знает себе цену.

Мужчина сделал шаг вперед, выходя из слепящего круга света. Теперь Кира могла видеть его лицо.

Те же темные, почти черные глаза. Но в них больше не было того безумного, хаотичного огня юности. Только глубокая, усталая зрелость и пристальное, изучающее выражение.

Артём смотрел на нее сверху вниз, с высоты сцены. Его руки были опущены в карманы пальто. На мгновение Кире показалось, что он тоже удивлен, но его лицо быстро приняло маску непроницаемого спокойствия.

— Привет, Кира, — его голос, ставший более низким, с приятной хрипотцой, ровным эхом разнесся по залу «Резонанса».

Кира крепче прижала к себе папку с чертежами, чувствуя, как под каской по вискам струится холодный пот. Ее идеальный, безопасный мир, который она с таким трудом строила кирпичик за кирпичиком, только что дал глубокую, не подлежащую ремонту трещину.

Глава 4. Чужак с моим сердцем

Слово «привет» застряло в воздухе, смешиваясь с летающей в лучах прожектора пылью. Оно казалось слишком будничным, почти нелепым после семи лет глухого, безжалостного молчания.

Кира почувствовала, как пальцы, сжимающие папку с чертежами, онемели. Внутри неё боролись два порыва: развернуться и броситься вон из этого полуразрушенного зала, обратно к своей упорядоченной жизни, или остаться и выдержать этот удар.

Гордость победила. Гордость всегда была её лучшей броней.

Она сделала глубокий вдох, расправила плечи и заставила себя сделать несколько шагов вперед. Её каблуки сухо застучали по временному дощатому настилу. Она не собиралась смотреть на него снизу вверх, как напроказившая школьница. Обойдя сцену сбоку, Кира поднялась по скрипучим ступеням технической лестницы и вышла на подмости, остановившись в нескольких метрах от Артёма.

— Здравствуй, Артём, — её голос прозвучал удивительно ровно. Она сама поразилась своей способности мгновенно выстраивать ледяную стену. — Не ожидала встретить тебя здесь. Мне сказали, что акустическим проектированием занимается приглашенный специалист из немецкого агентства.

Артём не сводил с неё глаз. В его взгляде не было торжества или насмешки. Только пристальное, почти осязаемое внимание. Он медленно вынул руки из карманов пальто.

— Я и есть этот специалист, — тихо ответил он. — Три года назад я возглавил восточно-европейский филиал «Schulz Acoustics». Когда пришел запрос на реставрацию театра в твоём городе... я сам вызвался поехать.

Он сделал короткую паузу, словно взвешивая каждое слово.

— Я знал, что тендер выиграла «Вертикаль». Но не был уверен, что проект отдадут именно тебе.

— И всё же ты здесь, — Кира демонстративно раскрыла папку, стараясь не смотреть на его руки. Те самые руки с длинными, сильными пальцами, которые когда-то так нежно перебирали её волосы, а теперь уверенно лежали на дорогом цифровом пульте. — Что ж, это упрощает дело. Мы оба профессионалы, Артём. Личные... обстоятельства нашего прошлого не должны влиять на работу. Проект слишком серьёзный.

— Личные обстоятельства? — Артём чуть заметно усмехнулся, но в этой усмешке не было прежнего юношеского ехидства. Только горечь. — Интересная формулировка для того, что между нами было.

— Другой у меня нет, — отрезала Кира, устремив взгляд в чертеж. Бумажный лист между её пальцами едва заметно дрожал, и она надеялась, что при тусклом свете прожектора он этого не заметит. — Давай перейдем к делу. Нам нужно обсудить зонирование зала. По предварительному плану инвестора, здесь предполагается...

— Кира, посмотри на меня.

Его голос — низкий, бархатистый, обволакивающий — прозвучал так близко, что она невольно вскинула голову.

Он подошел на шаг. Теперь между ними было чуть больше метра. Кира почувствовала тонкий, едва уловимый аромат его парфюма — дорогой, терпкий запах сандала и кожи, который напроочь перебивал застарелый запах сырости и строительной пыли.

Она заставила себя встретиться с ним взглядом. И в этот момент маска её напускного безразличия едва не треснула.

Перед ней действительно был другой человек. Из его глаз исчез тот эгоцентричный, упрямый блеск мальчишки, который видел только себя и свои амбиции. Теперь на неё смотрели глаза мужчины, узнавшего цену потерям.

В уголках его век залегли едва заметные мимические морщинки, а в самой глубине зрачков читалась глухая, застарелая усталость. Он больше не пытался казаться бунтарем. Он им больше не был. Он стал кем-то гораздо более опасным для её хрупкого душевного покоя — взрослым, надежным и непостижимым.

— Я приехал не для того, чтобы ворошить прошлое и делать тебе больно, — тихо, но твердо сказал Артём. — Я приехал работать. Этот театр — уникальный объект. Его акустика была шедевром сто лет назад, и я хочу вернуть ей это звучание. Вместе с тобой. Если ты не можешь работать со мной — скажи сейчас. Я откажусь от контракта и улечу обратно в Берлин вечерним рейсом. Решать тебе.

Кира замерла. В его словах не было вызова. Это было честное предложение. Он давал ей выбор, которого не дал семь лет назад на перроне вокзала.

Её гордость требовала крикнуть: «Да, убирайся!». Сказать, что его присутствие душит её, что она помолвлена, что у неё идеальная жизнь, в которой нет места призракам.

Но профессионал внутри неё взбунтовался. Театр «Резонанс» был проектом всей её карьеры. Упустить его из-за страха перед собственными неперевавленными эмоциями означало признать свое поражение перед прошлым. Признать, что Артём до сих пор имеет над ней власть.

— Никому не нужно куда-то улетать, — Кира сделала шаг назад, восстанавливая безопасную дистанцию. Её голос снова стал холодным и деловым. — Моё личное отношение к тебе никак не связано с моими карьерными амбициями. Я остаюсь на проекте. И надеюсь, что ты тоже.

Она перевела взгляд на темный, пустующий зал, где строительные леса казались решетками огромной клетки.

— Завтра в десять утра у нас первая совместная летучка с субподрядчиками. Подготовь свои требования по изоляции стен. Я внесу их в общий план. До свидания, Артём.

Не дожидаясь ответа, Кира резко повернулась, сошла со сцены и быстрым, почти летящим шагом направилась к выходу из зала. Каблуки испуганно стучали по доскам, словно умоляя её бежать быстрее.

Артём остался стоять на краю сцены. Он смотрел ей вслед, и в тишине заброшенного театра его тяжелый, прерывистый вздох прозвучал отчетливее любого признания.

Глава 5. Попытка бегства

Дома царила оглушительная, стерильная чистота.

Кира вошла в квартиру, чувствуя себя так, словно принесла на подошвах обуви радиоактивную пыль. Ей казалось, что запах сырости, старого дерева и терпкого сандала заполнил всю прихожую, хотя на самом деле здесь пахло только лавандовым кондиционером для белья и дорогим полиролем.

Леонид сидел за кухонным островом из светлого искусственного камня. Перед ним стоял аккуратный салатник, а рядом аккуратной стопкой лежали распечатанные варианты свадебного меню.

— Привет, — Лёня поднял голову и тепло улыбнулся. — Как прошел осмотр объекта? Всё так плохо, как говорил твой шеф?

— Нормально, — Кира сбросила туфли, даже не заметив, как одна из них небрежно упала на бок. Для неё, обычно одержимой порядком, это было неслыханно. — Работы много. Здание запущенное.

Она прошла к раковине и принялась остервенело мыть руки, словно пытаясь смыть само воспоминание о прикосновении к перилам театра. Вода была ледяной, но Кира этого не чувствовала. Ей нужно было переключить внимание. Заглушить нарастающий внутри гул.

— Я тут подумал, — Леонид перевернул страницу меню, — для банкета лучше выбрать рыбу как основное горячее. Мясо едят не все, а треска под сливочным соусом — это универсально и безопасно. И по бюджету мы укладываемся в рамки. Я уже внёс это в нашу таблицу расходов.

Он говорил ровно, размеренно, как читал лекцию. Для него свадьба была еще одним успешным проектом, который нужно сдать в срок и без перерасхода средств.

Кира замерла с намыленными руками. Каждое его слово — «безопасно», «универсально», «в рамках» — вдруг начало царапать слух, как ржавый гвоздь по стеклу.

— Почему ты всегда решаешь всё сам? — тихо спросила она.

Леонид удивленно поднял глаза.

— Что? Кира, ты о чём? Мы же обсуждали...

— Мы ничего не обсуждали! — её голос внезапно сорвался на крик. Она резко повернулась к нему, тяжело дыша. Намыленная пена капала с её пальцев прямо на безупречный ламинат. — Ты просто ставишь меня перед фактом! Рыба так рыба, серый костюм так серый костюм, этот салон, эта квартира! Ты всё загнал в рамки, Лёня! Каждую гребаную секунду нашей жизни ты просчитал на калькуляторе!

Леонид медленно отложил распечатку меню. На его лице не отразилось ни гнева, ни обиды — только искреннее, глубокое недоумение. Он поднялся, оторвал кусок бумажного полотенца и подошел к ней.

— Кира, успокойся. Что случилось? При чём тут меню? Ты сама вчера сказала, что у тебя нет времени заниматься этой рутинной из-за нового проекта, и попросила меня взять это на себя.

Его убийственная, железобетонная логика ударила её под дых. Он был прав. Абсолютно прав. Она сама просила. Она сама хотела этой предсказуемости.

Кира посмотрела на мило на своих руках, затем на встревоженное, спокойное лицо Леонида. Внутри неё поднялась волна такой острой, удушающей вины, что ей стало физически плохо. Она сорвалась на него просто потому, что он был рядом. Потому что её собственная душа сейчас разрывалась от паники, а Лёня был самым безопасным громоотводом.

— Прости, — прошептала она, пряча лицо в ладонях. Из глаз брызнули горячие, злые слезы. — Прости меня, Лёня. Я... я просто очень устала. Навалилось всё сразу. Свадьба, этот сложный театр... Прости.

Леонид мягко обнял её за плечи, прижимая к себе.

Его объятия были теплыми, привычными. Но Кира чувствовала себя так, словно обнимает каменное изваяние — надежное, но совершенно холодное.

— Всё хорошо, малыш, — тихо сказал он, поглаживая её по спине. — Ты переутомилась. Ложись спать, а завтра я сам позвоню твоему шефу и попрошу, чтобы тебе дали помощника. Тебе нельзя так нервничать.

«Помощник не поможет», — подумала Кира, закрывая глаза. Избавиться от Артёма можно было только одним способом — бегством.

— — — — —

На следующее утро Кира стояла перед дверью кабинета Валерия Альбертовича. Она почти не спала ночью, мысленно репетируя этот разговор. Аргументы были железными: высокая нагрузка, подготовка к свадьбе, необходимость уделить время другим текущим объектам. Она была готова отказаться от премии, лишь бы её фамилию вычеркнули из проекта «Резонанс».

Она постучала и вошла.

— А, Кира! Проходи, присаживайся, — руководитель бюро так увлеченно что-то писал, что даже не поднял головы. — Как вчерашний осмотр? Немецкий звуковик уже прислал мне восторженное письмо. Говорит, что здание невероятное и он рад работать с таким чутким архитектором, как ты. Вы уже нашли общий язык?

Слова шефа отзывались тупой болью в висках. Восторженное письмо. Рад работать. Артём всегда умел разыгрывать идеальные карты.

— Валерий Альбертович, я как раз по этому поводу, — Кира села на край стула, сложив руки на коленях. — Я хочу попросить вас снять меня с этого проекта.

Ручка в руке шефа замерла. Он медленно поднял глаза, и его добродушное лицо мгновенно стало серьезным.

— Снять? По какой причине, Кира?

— Нагрузка слишком велика, — быстро заговорила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Скоро свадьба, у меня много организационных вопросов. К тому же, у меня сейчас в работе реставрация усадьбы Нарышкиных, там тоже горят сроки. Я боюсь, что не смогу уделить «Резонансу» должного внимания. Будет лучше, если проект возглавит, например, Михаил. Он давно хотел поработать с акустикой...

— Кира, прекрати, — жестко прервал её Валерий Альбертович. Он откинулся на спинку кресла и переплёл пальцы. — Мы не в детском саду. Ты — ведущий реставратор этого бюро. Твою кандидатуру утверждал лично инвестор. Михаил талантлив, но у него нет твоего опыта работы с памятниками деревянного зодчества.

Он подался вперед, заглядывая ей в глаза.

— Давай говорить откровенно. Ты три года шла к тому, чтобы стать партнером в нашей фирме. Проект «Резонанс» — это твоя финальная ступень. Это имя, это престиж, это огромные деньги для бюро. Если ты сейчас уйдешь под предлогом «свадебных хлопот», совет директоров решит, что личная жизнь для тебя важнее карьеры. И о партнерстве ты можешь забыть. Навсегда.

Кира почувствовала, как комната вокруг неё словно уменьшилась в размерах. Стены сжимались, отрезая пути к отступлению.

— Но... — попыталась возразить она.

— Никаких «но», Кира, — шеф смягчил тон, но в его голосе по-прежнему звенела сталь. — Я ценю тебя и твой труд. Но бизнес есть бизнес. Либо ты берешь этот проект и доказываешь,

что достойна войти в долю, либо... расписываешься в собственной незрелости. Иди работать. В десять у вас летучка. Покажи этому немцу, на что способны наши специалисты.

Кира медленно поднялась. Внутри неё не осталось сил для спора. Это было сокрушительное поражение.

Обстоятельства, карьера, её собственное тщеславие и многолетний труд — всё связало её по рукам и ногам, бросая прямо в объятия неизбежности.

Она вышла из кабинета шефа, чувствуя, как холодный пот выступает на спине. Бежать больше было некуда. Ловушка захлопнулась. Ей придется вернуться в тот пыльный зал и встретиться со своим прошлым лицом к лицу.

Глава 6. Противоположные полюса

Временный штаб реставрации обустроили на первом этаже театра, в бывшем кабинете администрации. Здесь было сыро и сквозь щели старых оконных рам немилосердно дуло, поэтому посреди комнаты хрипло гудел электрический обогреватель. На длинном рабочем столе, сколоченном из неструганых досок, были разложены широкоформатные чертежи, стояли пластиковые стаканчики с остывшим кофе и лежали планшеты.

Помимо Киры и Артёма, на летучке присутствовали Борис — прораб и начальник строительной бригады, хмурый мужчина лет пятидесяти в испачканной цементом робе, и Катя, помощница Киры, увлеченно фиксирующая всё в блокнот.

— Начнем с главного зала, — Кира постучала карандашом по чертежу продольного разреза здания. Её голос был сух и собран. — Мы провели ультразвуковое исследование несущих конструкций. Стены в порядке, но внутренняя обшивка из сибирской лиственницы, установленная в тысяча девятьсот двенадцатом году, сильно пострадала от сырости и локального возгорания в левом крыле. Моё предложение: полностью демонтировать старое дерево. Вместо него мы установим современный металлокаркас с заполнением из негорючих базальтовых плит и обошьем всё огнестойкими акустическими панелями из гипсокартона под дерево. Это безопасно, соответствует всем СНиПам, быстро монтируется и экономит почти тридцать процентов бюджета.

Борис одобрительно хмыкнул.

— Дело говоришь, Кира Андреевна. Старое дерево — это пороховая бочка. Да и возиться с ним — у нас людей не хватит каждую щепку лакировать. Я за гипсокартон.

— Исключено.

Голос Артёма разрезал душный воздух комнаты, как скальпель. Он сидел напротив Киры, откинувшись на спинку стула, и крутил в пальцах дорогой графитовый карандаш.

— Исключено, — повторил он тише, но в его тоне не было и капли сомнения. — Гипсокартон убьет этот зал. Мы строим не конференц-холл для презентаций и не кинотеатр в торговом центре. Мы восстанавливаем театр «Резонанс». Уникальность этого места в том, что сто лет назад архитекторы создали здесь «живую» акустику. Лиственница на стенах — это не просто декор, это дека музыкального инструмента. Каждая панель имеет свою толщину, свой угол наклона и свою плотность. Она должна вибрировать, откликаясь на звук со сцены.

Он подался вперед, положив локти на стол и глядя прямо на Киру.

— Если мы зашьем стены пластиком и гипсом, звук станет мертвым. Он будет плоским и сухим, как в картонной коробке. Ни один уважающий себя музыкант или театральный коллектив сюда не приедет. Нам нужно сохранить оригинальные деревянные панели. Каждую из них. Демонтировать, бережно очистить от гари, обработать специальными акустическими лаками, заменить сгнившие фрагменты аналогичным выдержанным деревом и вернуть на место.

Кира почувствовала, как внутри неё закипает глухое раздражение. Этот его максимализм, это стремление к идеалу любой ценой — как это было на него похоже!

— Твои идеи прекрасны в теории, Артём, — Кира выделила его имя голосом, сделав его подчеркнуто официальным. — Но мы живем в реальном мире. Бережная реставрация ста двадцати квадратных метров столетнего дерева — это колоссальные трудозатраты. Это увеличит сроки сдачи проекта минимум на три месяца. Не говоря уже о том, что пожарная инспекция никогда не подпишет акт приемки здания с таким количеством открытого горючего материала на стенах. Я отвечаю за безопасность этого здания. И за его сдачу в срок.

— А я отвечаю за его душу, Кира, — тихо ответил Артём, не отводя от неё тяжелого взгляда. — И если у здания не будет голоса, то его безопасность никому не понадобится. Оно просто останется красивым склепом.

— Душа не спасет людей в случае пожара! — Кира резко выпрямилась. Кончик её карандаша с треском сломался о деревянный стол. — И инвестор не станет платить за твои романтические фантазии. Есть бюджет. Есть график. Мы должны следовать им.

— Инвестор нанял меня именно для того, чтобы получить лучший звук в стране, — Артём даже не повысил голоса, но в его спокойствии чувствовалась непреклонная сила мужчины, который точно знает, что делает. — И я предоставляю ему расчеты. Моя команда в Берлине уже смоделировала акустическую карту зала. При использовании твоих «безопасных» панелей потеря звукового давления в партере составит сорок процентов, а время реверберации упадет до критических показателей. Это профессиональный провал, Кира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.